

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев

(Письмо к одному из издателей «Современника»)
«Делу время и потехе час».

Из книги, называемой: «Урядник, или Новое уложение и устройство чина Сокольников пути».

В течение нынешнего лета вы не однажды напоминали мне, любезный Н<иколай> А<лексеевич>, {1} обещание мое поговорить подробнее в вашем журнале о прекрасной книге С. А – ва; я до нынешнего дня не мог сдержать своего слова: как настоящий охотник – охотник душою и телом – я почти всё это время не выпускал ружья из рук, а до пера не касался вовсе.

Но теперь у нас зима; второго октября ударил первый мороз, а третьего октября с утра поднялась снеговая вьюга и до сих пор не прекращается; поля вдруг побелели; долго охотиться нет возможности; на дворе, говоря словами русской песни, кутит, мутит, в глаза несет; {2} неделю тому назад я еще стрелял вальдшнепов десятками, а теперь с трудом убьешь парочку: «толкнули» их, как выражаются охотники, эти жестокие ранние холода. Всегда тяжел и невесел приход «волшебницы»-зимы, {3} но особенно печально ее появление, когда она нагрянет так рано, как в нынешнем году. Осени не было у нас, осень убила она – осень со всей ее тихой красотой, с ее «пышным увяданьем»... {4} Жутко подумать, что уже в начале октября у нас стала зима... Резко отделяясь на мертвой белизне победоносного снега, свежая, не успевшая еще увянуть, зелень берез, и в особенности тополей, кажется какой-то ложью и насмешкой. Сидя в четырех стенах своей комнаты, вспомнил я о моем обещании: я не мог охотиться, но мысли мои всё еще были заняты охотой; я с жадностью взялся за перо и вот пишу для «Современника» критику «Записок оренбургского ружейного охотника» – книги, не сходявшей с моего стола с самого моего приезда в деревню.

Но, говоря правду, я пишу не критику, потому что в книге г. А – ва критиковать нечего или почти нечего. Небольшие неверности, недомолвки, промахи, попадающиеся в ней, уже все или почти все перечислены и замечены в 8-й книге «Москвитянина», в весьма дельной статье, подписанной буквами В. В. {5} Эти же самые буквы встречаются в том же журнале под рядом небольших рассказов о подмосковной охоте, {6} – рассказов, отличающихся верностью тона, безыскусственностью изложения и показывающих притом в авторе охотника страстного и опытного. Главную ошибку (о пороховой мерке) сам г. А – ва старался исправить особым объявлением, напечатанным в «Московских ведомостях». {7} Мы от себя прибавим только то, что «Записки оренбургского охотника» не книга вроде «Chasseur au chien d'arrêt» [1] Эльзеара Блаза, которая почитается классическим сочинением для французской охоты. {8} «Записки» г. А – ва не охотничья книга в строгом смысле, они не могут служить полным руководством для начинающего охотника, хотя драгоценные замечания и советы попадают на каждой почти странице; {9} сам автор это чувствует. Вот что он говорит в самом начале своей книги: «Я думал сначала говорить подробно в моих записках вообще о ружейной охоте, то есть не только о стрельбе, о дичи, о ее нравах и местах жительства в Оренбургской губернии, но также о легавых собаках, ружьях, о разных принадлежностях охоты и вообще о всей технической ее части. Теперь, принявшись за это дело, я увидел, что в продолжение того времени, как я оставил ружье, техническая часть ружейной охоты далеко ушла вперед и что я не знаю ее близко и подробно в настоящем, современном положении». {10}

Действительно, в течение двадцати пяти лет, которые протекли с тех пор, как почтенный г. А – ва перестал охотиться, и собаки, и ружья, и ружейные принадлежности – всё изменилось: французские, курляндские собаки не пользуются прежнюю известностью; маркловские собаки прогремели было и пали совершенно; английские собаки пошли в гору, особенно пойнтеры [2] кровные и полукровные; полукровные едва ли не лучше в нашем климате. Насчет сеттеров, которые так понравились было сперва за быстрый поиск, неутомимость и незябкость, мнения начинают разделяться. Английские ружья Мантона, Мортимера, Пордея заменили не только Моргенроты и Штарбусы, но даже Лепажей; {11} немецкие, венские и пражские ружья совсем вышли из употребления; за ними осталось только преимущество дешевизны, при довольно прочной отделке; но если не наши тульские, то варшавские, Беккера, стоят, конечно, выше их. {12} Двадцать пять лет тому

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
назад еще не возникал вопрос (сознаюсь откровенно, для меня самого не вполне разрешенный) – вопрос о том, должно ли почитать изобретение ружей, заряжающихся сзади (à la Robert или Lefaucheuх), {13} шагом вперед в искусстве или, напротив, пустой и бесплодной попыткой? суждено ли им вытеснить ружья, заряжающиеся через дуло, или нет? Много выгод представляют ружья à la Robert, но и невыгод много; обо всем этом вы ни слова не найдете у г. А – ва. Э. Блаз посвятил целую главу этому вопросу. Он кончает тем, что отвергает ружья à la Robert; но граф Лангель, автор книги «Nugière des chasseurs» [3], {14} стоит за них. Далее: кто из охотников станет употреблять теперь неуклюжие, тяжеловесные патроны вместо изящных и прочных пороховниц и дробовиков Диксона и других английских мастеров; несносные пыжи – вместо чистых и щеголеватых флястов! Что же касается до пистонов, то хотя автор и никогда не стрелял с ними (см. «З. Р. О.», стр. 222 – в наше время это просто кажется невероятным!), однако он отдает им полную справедливость {15} (пороховниц и дробовиков он не признает удобными и придерживается старинного патронташа); но он ни слова не говорит и не мог сказать о новейших усовершенствованиях по этому делу; не упоминает об английских темных пистонах, о французских граненых, с буквою G. (Gevelot), {16} которые, кроме того, что никогда не осекаются (английские, с двойным дном, даже можно перед выстрелом класть в воду) и не разлетаются, подобно австрийским, с буквами S. B., известной фабрики Sellier и Bellot, или нашим доморощенным безыменным колпачком, которые осекаются даже в сухую погоду и своими осколками то и дело наносят стрелку раны в руку или щеку. Кстати, насчет пистонниц: я долго разделял мнение многих опытных охотников о них; действительно, все придуманные до сих пор пистонницы оказывались неудовлетворительными; наконец, в прошлом году появилась одна машинка английского изобретения, совершенно достигающая своей цели. Машинка эта состоит в маленькой замшевой сумочке на поясе, с такой же крышкой, на пружине; вы отправляетесь за пистоном – крышка уступает давлению ваших пальцев и тотчас захлопывается сама, как только вы достали пистон. Это чрезвычайно удобно и очень просто, как яйцо Колумба, как Паскалева тачка. {17} Правила, предлагаемые автором для дрессирования собак, очень верны; нам приятно видеть, что даже двадцать лет тому назад г. А – ва – в не одобрял парфорсов и прочих шток и фокусов немецкой дрессировки, которая господствовала в то время. {18} Действительно, приучите дома собаку к послушанию, к апелю, к слову: назад! заставьте ее, шутя, подавать вам бумажку или перчатку (но никак не камень или даже ключ, как советует г. А – ва) – и отправляйтесь с нею потом в поле: если в ней есть кровь, порода [4] – а это главное, – ваша собака скоро поймет, чего вы от нее требуете. В нынешнем году я испытал это на деле: я в первый раз взял на охоту молодую собаку из полукровных английских (правда, дочь отличной матери), которую я сам воспитывал дома; и, несмотря на то, что она, по робости своего нрава, целых шесть недель боялась звука выстрела и лишь всё издали кралась за мной, – как только она решилась в один прекрасный день броситься на черныша, убитого в десяти шагах от нее, успехи ее изумили меня самого; дней через пятнадцать она уже работала, как опытная собака, стояла мертво, подавала отлично, – словом, совершенно заменила мне свою, к сожалению, стареющуюся мать...

Но возвратимся к книге г. А – ва. Из всего сказанного мною следует, что техническая ее часть довольно слаба и неполна, – она, говоря высокопарным слогом, отстала от современного состояния науки; но, повторяю, сам автор не отрицает этого, и притом техническая часть его записок заключается всего в тридцати четырех страницах, за которые любители охоты все-таки должны быть благодарны г. А – ва, особенно за отличные советы насчет стрельбы, на стр. 31, 32, 33. Его первое правило: «Никогда не думать о том, что дашь промах», напоминает мне поговорку одного старого московского охотника, давно уже умершего, Л. И. Татаринова, которого я знал в ранней молодости. «Стрелки, – говаривал он, – разделяются на три класса: бывают между ними ахалы, пукалы и шлепалы. Ахалы только ахают, когда вскакивает дичь; пукалы стреляют и не попадают; шлепалы стреляют и попадают. Из пукалы может еще выйти шлепал; из ахалы – никогда».

За этими тридцатью четырьмя страницами вступления начинается собственно книга.

И что за прелесть эта книга! сколько в ней свежести, грации, наблюдательности, понимания и любви природы!.. Но я замечаю, что вдаюсь в восклицания, а в критике это, говорят, не годится. Стану рассуждать обстоятельно.

Книгу г. А – ва можно рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения охотника и с точки зрения естествоиспытателя. Начну с первой.

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Я уверен, что всякий охотник, которому придется прочесть «Записки» г. А – ва, будет в особенности привлечен и тронут искренней и горячей любовью автора к своему делу – к благородному занятию охотой, – добросовестностью его страсти. Мне скажут, что в сущности охота пустячки, «мгновенная» забава и не заслуживает таких сильных выражений; но, кроме того, что, по моему мнению, без искренней преданности своему делу даже пустяки никому не удаются, я бы мог привести поразительные доказательства тому, что охота в человеческой жизни, в истории человечества занимает не последнее место. Всем известно, что значило право охоты в европейском мире не только в течение средних веков, но даже до позднейших времен (отмена законов, касавшихся до дичи – game laws, составляла одно из важнейших преобразований, произведенных графом Греем только в 31 году), и потому я не стану настаивать на постановления Генриха IV, на то, сколько замечательных людей были страстными охотниками, и т. д., – замечу только, что охоту по справедливости должно почесть одним из главнейших занятий человека. Не говоря уже о библейском Немвроде{19} и других азиатских царях-охотниках, изображения которых сохранились на остатках древнейших дворцов и храмов, сто́ит вспомнить то место в одиннадцатой песне «Одиссеи», где Улисс в числе теней старинных героев, вызванных им, по совету Цирцеи, из Аида, видит мифического великана Ориона:

Подле него (Миноса) и Ориона чудовищного увидал я:
Толпы диких зверей гнал он перед собою
Которых сам он некогда убил на пустынных горных вершинах...
Палицу держал он в руках из несокрушимою железа.{20}
И русские люди с незапамятных времен любили охоту. Это подтверждают наши песни, наши сказания, все предания наши. Да и где же и охотиться, как не у нас: кажется, есть где и есть по чем[5]. Витязи времен Владимира стреляли белых лебедей и серых уток на заповедных лугах. Мономах в завещании своем оставил нам описание своих битв с турами и медведями;{21} достойный отец великого сына, один из мудрейших русских царей, Алексей Михайлович, страстно любил охоту. Все слышали об его «Уряднике, или Новом уложении и устройении чина Сокольниковичи пути»[6];{22} менее известны его письма к одному из бояр своих, сообщенные археографической комиссией. В них царь рассказывает ему свои «выезды».{23} Вообще охота свойственна русскому человеку: дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдет он бродить, в одних лаптишках, по болотам да по лесам, с утра до вечера. И не думайте, чтобы он стрелял из него одних уток: с этим же ружьем пойдет он караулить медведя на «овсах»,{24} вобьет в дуло не пулю, а самодельный кой-как сколоченный жеребий – и убьет медведя; а не убьет, так даст медведю себя поцарапать, отлежится, полуживой дотащится до дому и, коли выздоровеет, опять пойдет на того же медведя с тем же ружьем. Правда, случится иногда, что медведь его опять поломает; но ведь русским же человеком сложена пословица, что зверя бояться – в лес не ходить. Этой общей, повсюду распространенной страсти русского, – страсти, сокровеннейшие корни которой, быть может, следует искать в самом его полувосточном происхождении и первоначальных кочующих привычках, – как нельзя более соответствует книга г. А – ва: она дышит ею, проникнута ей вся. Я сам не бывал в Оренбургской губернии, но я рад, что г. А – в именно там охотился – в этих величавых, изобилующих дичью степях, так прекрасно им описанных[7]; они-то, мне кажется, и придали его страсти увлекательную искренность и силу, а кисти его – свободу и ширину.

Теперь мне следует, по обещанию, сказать несколько слов о том, как будут взирать естествоиспытатели на сочинение г. А – ва. Сам я, вы знаете, не имею чести принадлежать к их сословию; но я страстно люблю природу, особенно в живых ее проявлениях, и потому позволю сказать себе несколько слов о «Записках ружейного охотника» и с этой точки зрения. Человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячью неразрывных нитей: он сын ее; сочувствие, которое возбуждает в душе жизнь существ низших, столь похожих на человека своим внешним видом, внутренним устройством, органами чувств и ощущений, несколько напоминает тот живой интерес, который каждый из нас принимает в развитии младенца. Все мы точно любим природу, – по крайней мере никто не может сказать, что он ее положительно не любит; но и в этой любви часто бывает много эгоизма. А именно: мы любим природу в отношении к нам; мы глядим на нее, как на пьедестал наш. Оттого, между прочим, в так называемых описаниях природы то и дело либо попадают сравнения с человеческими душевными движениями («и весь невредимый хохочет утес»{25} и т. п.), либо простая и ясная передача внешних явлений заменяется рассуждениями по их поводу[8].

Между тем такого рода воззрение совершенно не согласно с истинным смыслом природы, с ее основным направлением. Бесспорно, вся она составляет одно великое,

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
стройное целое – каждая точка в ней соединена со всеми другими, – но стремление ее в то же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной, обращала бы всё окружающее себе в пользу, отрицала бы его независимость, завладела бы им как своим достоянием. Для комара, который сосет вашу кровь, – вы пища, и он так же спокойно и беззазорно пользуется вами, как паук, которому он попался в сети, им самим, как корень, роющийся во тьме, земляною влагой. Обратите в течение нескольких мгновений ваше внимание на муху, свободно перелетающую с вашего носа на кусок сахара, на каплю меда в сердце цветка, – и вы поймете, что я хочу сказать, вы поймете, что она решительно настолько же сама по себе – насколько вы сами по себе. Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, всё живет только для себя, – как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, всё, что существует, – существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения – и все жизни сливаются в одну мировую жизнь, – это одна из тех «открытых» тайн, которые мы все и видим и не видим. Говорить об этом заманчиво – но оно повело бы меня слишком далеко; я удовольствуюсь тем, что напомним вам известные страницы Гёте о природе – и приведу два, три слова, им сказанные:

«Природа проводит бездны между всеми существами, и все они стремятся поглотить друг друга. Она всё разъединяет, чтобы все соединить...»

«Ее венец – любовь. Только через любовь можно к ней приблизиться...»

«Кажется, она только и хлопочет о том, чтобы создавать личности, – и личности ей ничего не значат. Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает...»{26}{27}

Если только «через любовь» можно приблизиться к природе, то эта любовь должна быть бескорытна, как всякое истинное чувство: любите природу не в силу того, что она значит в отношении к вам, человеку, а в силу того, что она вам сама по себе мила и дорога, – и вы ее поймете.

Возвращаясь к книге г. А – ва, я не могу не отдать ему должной справедливости. Он смотрит на природу (одушевленную и неодушевленную) не с какой-нибудь исключительной точки зрения, а так, как на нее смотреть должно: ясно, просто и с полным участием; он не мудрит, не хитрит, не подкладывает ей посторонних намерений и целей: он наблюдает умно, добросовестно и тонко; он только хочет узнать, увидеть. А перед таким взором природа раскрывается и дает ему «заглянуть» в себя. Оттого вы будете смеяться, но я вас уверяю, что когда я прочел, например, статью о тетереве, мне, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно...

Автор перенес в изображение этой птицы ту самую законченность, ту округленность каждой отдельной жизни, о которой мы говорили выше, и т. д. и т. д.{28} Если б тетерев мог рассказать о себе, он бы, я в том уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал нам г. А – в. То же самое должно сказать о гусе, утке, вальдшнепе, – словом, обо всех птичьих породах, с которыми он нас знакомит. Немцы считают гуся, эту обдуманную осторожную птицу, глупым; русский человек, напротив, заметил, что даже гром обращает на себя внимание гуся; действительно, при каждом ударе он, скривив голову, смотрит в небо. Правда, он от этого нисколько не становится умнее, но эту участь он разделяет со многими философами. Говоря без шуток, я не могу довольно налюбоваться птичьими «физиологиями» г. А – ва. Я вовсе не намерен сравнивать его с Бюффоном и не дерзаю отрицать великих заслуг «отца естественной истории», но я должен сознаться, что такие блестящие риторические описания, каково, например, всем нам с детства известное описание коня: «Конь самое благородное завоевание человека» и т. д., в сущности очень мало знакомят нас с теми животными, которым они посвящены.{29} Мне, право, кажется, что такого рода красноречивые разрисовки представляют гораздо меньше затруднений, чем настоящие, теплые и живые описания, точно так же, как несравненно легче сказать горам, что они «побеги праха к небесам», утесу – что он «хохочет», молнии – что она «фосфорическая змея»,{30} чем поэтически ясно передать нам величавость утеса над морем, спокойную громадность гор или резкую вспышку молнии... И оно понятно: ничего не может быть труднее человеку, как отделиться от самого себя и вдуматься в явления природы... Гремите, не сходя с места, всеми громами риторики: вам большого труда это не будет стоить; попробуйте понять и выразить, что происходит хотя бы в птице, которая смолкает перед дождем, и вы увидите, как это нелегко.

В силу всех вышеизложенных причин я воображаю, что всякий естествоиспытатель с истинным наслаждением перечтет книгу г. А – ва. Покойный Одюбон пришел бы, я думаю, от нее в умиление.{31} Знаете ли вы, например, что одной из самых великих трудностей в естественной истории почитаются верные изображения наружного вида и цвета птиц? Посмотрите, как они все удались г. А – ву. Я тем более уверен в успехе «Записок ружейного охотника» между естествоиспытателями, что наука их в последнее время приняла направление более положительное и практическое, или, говоря точнее, направление, обращенное более на живое наблюдение и изучение природы, чем на составление тех иногда поэтических и глубоких, но почти всегда темных и неопределенных гипотез, которыми Шеллинг вскружил головы в начале нынешнего столетия.{32}

Скажу еще несколько слов о слоге «Записок» г. А – ва. Слог его мне чрезвычайно нравится. Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого – свобода и точность выражения одинаково замечательны. Эта книга написана охотно и охотно читается. Я уже неоднократно замечал, как мастерски умеет г. А – в описывать (некоторые отрывки были помещены в апрельской книжке «Современника»{33}). Теперь мне хочется обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Бывают тонко развитые, нервические, раздражительно-поэтические личности, которые обладают каким-то особенным воззрением на природу, особенным чутьем ее красот; они подмечают многие оттенки, многие часто почти неуловимые частности, и им удается выразить их иногда чрезвычайно счастливо, метко и грациозно; правда, большие линии картины от них либо ускользают, либо они не имеют довольно силы, чтобы схватить и удержать их. Про них можно сказать, что им более всего доступен запах красоты, и слова их душисты.{34} Частности у них выигрывают насчет общего впечатления. К подобным личностям не принадлежит г. А – в, и я очень этому рад. Он и тут не хитрит, он не подмечает ничего необыкновенного, ничего такого, до чего добираются «немногие»; но то, что он видит, видит он ясно, и твердой рукой, сильной кистью пишет стройную и широкую картину. Мне кажется, что такого рода описания ближе к делу и вернее: в самой природе нет ничего ухищренного и мудреного, она никогда ничем не щеголяет, не кокетничает; в самых своих прихотях она добродушна. Все поэты с истинными и сильными талантами не становились в «позитуру» пред лицом природы; они не старались, как говорится, «подслушать, подсмотреть» ее тайны; великими и простыми словами передавали они ее простоту и величие: она не раздражала их, она их воспламеняла; но в этом пламени не было ничего болезненного. Вспомните описания Пушкина, Гоголя или хотя то знаменитое место в «Короле Лире», где Эдгар описывает слепому Глостеру крутой морской берег, который будто падает отвесно у самых его ног:

Подойдите, сэр... Вот то место. Остановитесь. Как страшно!

Как кружится голова! так низко ронять свои взоры...

Галки и вороны, которые вьются там в воздухе на середине расстояния[9],

Кажутся едва ли так велики, как мухи. На полпути вниз

Висит человек, собирающий морские травы... ужасное ремесло!

Он мне кажется не больше своей головы.

Рыбаки, которые ходят по побережью,

Точно мыши; а тот высокий корабль на якоре

Уменьшился до размера своей лодки; его лодка – плавающая точка,

Как бы слишком малая для зрения... Шумный прибой,

Который кипит и ропщет на бесчисленных камнях, –

Здесь его не слышно... слишком высоко. Я больше глядеть не стану.{35}

Всего две-три черты; поэт не желает ни сказать что-нибудь необыкновенное, ни найти в картине, которая является его глазам, особенных не подмеченных еще черт; с верным инстинктом гения придерживается он одного главного ощущения – ощущения высоты, с которой глядит Эдгар, и уменьшения всех предметов, – и между тем, возможно ли еще что-нибудь прибавить? Древние греки так же просто взирали на природу: можно бы привести множество доказательств тому... Впрочем, они имели перед нами преимущество великое: в их счастливых устах поэзия впервые заговорила звучным и сладким языком о человеке и природе. (Признаюсь, я не умею сочувствовать литературам, предшествовавшим греческой.) Оттого ничего не может сравниться с бессмертной молодостью, с свежестью и силой первых впечатлений, которыми веет нам от песней Гомера. Я сейчас упомянул о Пушкине: отношения этого, по духу своему действительно древнего, поэта[10] к природе так же просты, естественны, как у древних, и, при всей смелости поэтических образов, совершенно здравы. Кто не знает его «Тучи»? Не откажу себе в удовольствии выписать всё это стихотворение:

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась.
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.
Удивительно!.. Словом, описывая явления природы, дело не в том, чтобы сказать всё, что может прийти вам в голову: говорите то, что должно прийти каждому в голову, – но так, чтобы ваше изображение было равносильно тому, что вы изображаете, и ни вам, ни нам, слушателям, не останется больше ничего желать.

Но наше удивленное сочувствие к таким образам, к таким звукам не должно сделать нас несправедливыми к тем полуженским поэтическим личностям, о которых я упоминал выше, и счастливые, вкрадчивые стихи Тютчева или Фета найдут отголосок в нашем сердце. {36} Я хотел только сказать, что г. А – в пошел не по их дороге, и, повторяю, его манера как нельзя более идет к добродушно-умному, ясному и мужественному тону всей книги.

Письмо мое вышло довольно длинно, а между тем сколько мне бы хотелось еще сказать вам: сообщить собственные наблюдения, поговорить о так называемых охотничьих «удачах и неудачах», об охотничьих суеверьях, преданиях и поверьях. Но я боюсь утомить и ваше внимание и внимание читателя. Отложу всё это до другого письма, {37} которое вы получите вскоре. Ограничусь теперь желанием, чтобы охота, эта забава, которая сближает нас с природой, приучает нас к терпению, а иногда и к хладнокровию перед опасностью, придает телу нашему здоровье и силу, а духу – бодрость и свежесть, – эта забава, которой тешились и наши прадеды на берегах широких русских рек, и герой народных баллад, стрелок Робин-Гуд, в веселых, зеленых дубовых рощах Старой Англии, и много добрых людей на всем земном шаре, долго бы еще процветала в нашей родине! Волшебный рог Оберона не перестанет звучать для «имеющих ухо», и Вебер не последний великий музыкант, которого вдохновит поэзия охоты! {38} Я сейчас сказал, что охота сближает нас с природой: один охотник видит ее во всякое время дня и ночи, во всех ее красотах, во всех ее ужасах. Скажем искреннее спасибо г. А – ву за его книгу и пожелаем, чтоб другие пошли по его следам и рассказали нам все те многочисленные роды охоты, до которых он не коснулся. Кончаю словами «Урядника» Алексея Михайловича: «Паче же почитайте сию книгу, красная и славная охоты, прилежные и премудрые охотники, да многие вещи добрые и разумные узрите и разумеете. Аще с разумом прочтете, найдете всякого утешного добра...» и еще: «Будете охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие». {39}

Р. С. Я слышал, что «Записок ружейного охотника» готовится другое издание {40} – успех их предупредил мои похвалы; тем лучше!

Октябрь – ноябрь 1852.

Село Спасское.

Примечания

Источники текста

Автограф двух отрывков текста статьи, исключенных цензурой и приведенных Тургеньевым в письме к С. Т. Аксакову от 5, 9 (17, 21) февраля 1853 г. – ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 10–10 об.

Совр, 1853, № 1, отд. III – Критика, с. 33–34, с пропусками цензурного происхождения.

Т, Соч, 1880, т. 1, с. 293–307.

Впервые опубликовано: Совр, 1853, № 1, с подписью: И. Т. – и датой «Октябрь –
Страница 6

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
ноябрь 1852» (ценз. разр. 31 декабря 1852 г.).

Печатается по тексту: Т, Соч, 1880.

Датируется октябрём – первой половиной декабря 1852 г. на основании переписки Тургенева. 17(29) октября 1852 г. он писал С. Т. Аксакову, что рецензию на его книгу «только что кончил» и отправляет «с нынешней почтой в Петербург». Однако рецензия не была послана, что явствует из письма Некрасова к Тургеневу от 21 октября ст. ст. 1852 г., в котором тот требовал: «Присылай свою статью о книге Аксакова» (Некрасов, т. X, с. 179). Оправдываясь перед Некрасовым, Тургенев в письме к нему от 18 и 23 ноября (30 ноября и 5 декабря) 1852 г. ссылаясь на отсутствие в Спасском-Лутовинове переписчика и обещал, что рецензия будет в редакции «Современника» непременно «к 15-му декабрю».

Однако продолжительное время Тургенев не осуществлял своего намерения. Лишь 16(28) декабря 1852 г. он писал Некрасову: «Посылаю тебе <...> давно обещанную мною статью о книге Аксакова. Кажется, самая придирчивая цензура в ней не может найти ничего непозволительного – и если что-нибудь в ней будет вычеркивать, то значит – дело не в статье, а в имени. Прошу не выставлять под ней ничего, кроме букв И. Т.».

Можно думать, что задержка с отправлением в редакцию «Современника» рецензии была вызвана тем, что Тургенев писал ее с оглядкой на цензуру. А начав переписывать ее в первой половине декабря 1852 г., писатель, естественно, творчески перерабатывал то, что было написано им ранее, т. е. в октябре того же года.

Занятый подготовкой к печати первой книжки «Современника», Некрасов лишь 20 января ст. ст. 1853 г. отвечал Тургеневу: «Прежде всего спасибо тебе за твою статью, которую я нашел легкою и живою, насколько подобает статейке такого рода, а другие находят даже прекрасною во всех отношениях, выражаясь так, что-де за что Тургенев ни возьмется, непременно выйдет отличная вещь, – и это многие» (Некрасов, т. X, с. 187). Сам же Тургенев отзывался об этом своем труде в письме к П. В. Анненкову от 10(22) января 1853 г. следующим образом: «Кроме двух-трех мыслей о природе и манерах ее описывать, в этой статье для Вас, кажется, не будет ничего занимательного».

Книгу С. Т. Аксакова Тургенев ценил за правдивый показ русской природы. В этом отношении позднее (в 1854 г.) с ним оказался солидарным Н. Г. Чернышевский, который в статье «Журналистика» писал: «Что за мастерство описаний, что за любовь к описываемому и какое знание жизни птиц! Г-н Аксаков обессмертил их своими рассказами!» (Чернышевский, т. 14, дополнительный, с. 25).

Но по своему содержанию, по кругу вопросов, затронутых Тургеневым, его статья выходила далеко за рамки оценки книги С. Т. Аксакова, что было замечено еще современниками писателя. В частности, об этом писали Тургеневу С. Т. и К. С. Аксаковы. Первый из них, по его словам, прочел рецензию Тургенева на «Записки ружейного охотника» «с истинным наслаждением». Тем не менее в конце января 1853 г. С. Т. Аксаков упрекал своего рецензента: «Ваше письмо к издателю „Современника“ – не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. Впрочем, я очень понимаю, что, удержав характер критики, статья Ваша вышла бы, может быть, не так интересна и несколько суха». В заключение С. Т. Аксаков писал: «...я ожидал менее похвал, но зато ожидал беспристрастного суда и справедливых осуждений; я надеялся более серьезного тона, особенно в отношении к языку и слогу» (Рус Обозр, 1894, № 9, с. 11). С С. Т. Аксаковым был солидарен и К. С. Аксаков. 30 января ст. ст. 1853 г. он писал Тургеневу: «Много хорошего в Вашей статье <...>, но собственно о книге можно было бы сказать больше – не в смысле похвалы, а в смысле определительной оценки...» (там же, с. 17). Отвечая С. Т. Аксакову 5 и 9(17 и 21) февраля 1853 г., Тургенев писал: «Я очень понимаю, почему Вы не совсем довольны моей статьей – я увлекся несколько в сторону от Вашей книги – но я не предвидел, что цензура так немилосердно поступит со мной. Не упоминаю уже о множестве отдельных мест, ослабленных и выкинутых ею: посылаю Вам целые полторы страницы, вычеркнутые – после слов: „рассуждениями по их поводу“ – на стр. 39 <...> Что г-н цензор подозревал в этом отрывке – пантеизм, что ли, или вообще мое имя на него подействовало – не знаю».

В печати статья Тургенева была встречена положительными отзывами. Так, например, рецензент «Москвитянина», считая, что эта статья «очень занимательна», приводил

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
большой отрывок из нее и в заключение писал: «Всё это прекрасно! Но как всё это попало в рецензию на книгу об охоте? В странное время мы живем! Развертываешь статью об охоте – и находишь прекрасные эстетические положения; заглянешь в статью о поэзии – там вам ничего и не напомнит об эстетике» (Москв, 1853, № 4, февраль, кн. 2, отд. V, с. 227 и 229).

Условные сокращения

Григорьев – Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Стрхова, 1876. Т. I.

Добролюбов – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Иванов – Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин – Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) СПб., 1913.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под. ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: в 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Рус арх – «Русский архив» (журнал).

Рус беседа – «Русская беседа» (журнал).

Рус обозр – «Русское обозрение» (журнал).

Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб пд 1923 – «Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Т, Соч, 1860–1861 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.

Т, Соч, 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865. Ч. II, III.

Т, Соч, 1868–1871 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. 2, 3.

Фет – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.

1858, Scènes, I – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, 1858.

1858, Scènes, II – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

Сноски

1

«Охотник с собакой на стойке» (франц.).

2

Пойнтерами (pointer от to point – показывать) называются английские собаки с

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
короткой шерстью; сеттерами (а не цеттерами: setter от to set – ставить, сажать) называются длинношерстные собаки. Кроме того, эти две породы отличаются складом тела, поиском и в особенности стойкой: пойнтер стоит, вытянув и подняв голову, словно «показывает»; сеттер приседает, иногда ложится. Обе породы ищут вскачь; но пойнтер скачет красивым галопом, сеттер – во всю прыть; у пойнтеров чутье гораздо тоньше и «выше»; сеттер большую часть останавливается вдруг, круто; должно сознаться, что он нередко проходит, или, говоря правильнее, пролетает мимо дичи. Сеттеры вообще чрезвычайно горячи и в лесу негодны вовсе, зато в болоте «метут» на славу. Главный упрек, который делают пойнтерам, состоит в том, что они зябки и, так же как сеттеры, неохотно подают дичь. Известно, что у англичан для этого держатся особого рода собаки: ретриверы – retrievers, то есть отыскатели.

3

«Гигиена охотников» (франц.).

4

Я знаю, что многие восстают против такого значения «породы»; сколько раз мне приходилось слышать рассказы о необыкновенной мужичьей собаке, полудворняжке и т. д. Но исключение только подтверждает правило; одна некровная собака из сотни может удалиться, зато остальные никуда не годятся; точно так, как иное ружье, заплаченное в Туле двадцать пять р. ас., может бить удивительно, особенно пока не стерлись в дуле следы сверла... Но что ж это доказывает? Я на своем веку видел только одну необыкновенную по чутью собаку у мужика; с виду она действительно походила на дворняжку. Но, при всех своих качествах, она не стояла более двадцати секунд, и ее владелец должен был «ухитриться» и поспевать за ней. С другой стороны, я готов сознаться, что далеко не все собачьи породы, годные для охоты с ружьем, надлежащим образом исследованы; я во Франции видел жесткошерстных брусбаров или пуделей (barbets), совершенно различного от легавых собак вида, которые для болотной и речной охоты мне показались превосходными.

5

Справедливость требует заметить, что, к сожалению, число дичи у нас быстро уменьшается; причины этого уменьшения двоякие: одни утешительные – осушка болот и пр., другие не столь отрадные: истребление лесов и привычка наших охотников не жалеть «маток»; обыкновение крыть куропаток зимой также чрезвычайно вредно.

6

См. «Древнюю Вивлиофику» Новикова. Изд. 2, часть III, стр. 430.

7

См. «Записки ружейного охотника», стр. 231.

8

Главным образцом поэзии такого рода может служить В. Гюго (см. его «Orientales»). Трудно исчислить, сколько эта ложная манера нашла себе подражателей и поклонников, и между тем ни один его образ не останется: везде видишь автора вместо природы; а человек только и силен тогда, когда он на нее опирается.

9

...that wing the midway air... Непереводаемо.

10

Пушкин заслуживает название древнего по духу поэта гораздо более, чем элегантный полуфранцуз, впрочем даровитый, Андрей Шенье; но по этому поводу можно бы написать целую статью. Подобная статья была бы своевременна теперь, когда развелось такое множество подражателей Андрея Шенье и древних, – подражателей, старающихся выдать тщедушную бедность своего вымысла за строгое чувство меры,

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
присущее греческой фантазии, трусливое любезничанье своего бессилия – за
спокойную грацию античной силы. {42}

Комментарии

1

В течение нынешнего лета вы не однажды напоминали мне, любезный Н<иколай>
А<лексеевич>... – Письма Некрасова к Тургеневу за июнь – август 1852 г. в печати
неизвестны.

2

...говоря словами русской песни, кутит, мутит, в глаза несет... – См., например,
следующую запись народной песни:

На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица-метелица;
Кутит-мутит, в глаза несет.

(Соболевский А. И.) Великорусские народные песни. СПб., 1896. Т. II, с. 530, №
624).

3

...«волшебницы»-зимы... – Имеется в виду заключительный стих строфы XXIX, седьмой
главы «Евгения Онегина»: «Идет волшебница зима».

4

...осень ~ с ее «пышным увяданьем»... – См. стихотворение Пушкина «Осень» (1833),
строфу VII: «Люблю я пышное природы увяданье».

5

Небольшие неверности, недомолвки ~ статье, подписанной буквами В. В. – Речь идет
о рецензии Н. Н. Воронцова-Вельяминова, напечатанной в «Москвитяине» (1852, №
8, апрель, кн. 2, отд. V, с. 106–120) за подписью «В. В.»

6

...рассказов о подмосковной охоте... – Воронцову-Вельяминову принадлежит ряд очерков
об охоте, печатавшихся в «Москвитяине» 1852–1853 гг., в частности:
«Подмосковная охота. Жуковские каналы» (Москв, 1852, № 3, февраль, кн. 1, отд.
VIII, с. 56–64); «Подмосковная охота. Мытищи» (там же, 1852, № 1, январь, кн. 1,
отд. VIII, с. 1–11), «Подмосковная охота. Кузнец Мишка» (там же, 1852, № 6,
март, кн. 2, отд. VIII, с. 43–54).

7

...исправить особым объявлением, напечатанным в «Московских ведомостях». – Отвечая
на рецензию, посвященную разбору «Записок ружейного охотника Оренбургской
губернии» и помещенную в Моск Вед, № 99 от 16 августа 1852 г., с. 1028–1029, с.
Т. Аксаков писал: «Благодаря почтеннейшего г. Журавлева вообще за лестные отзывы
и в особенности за совершенно справедливое замечание насчет меры заряда, я спешу
сознаться, что это не опечатка и не описка, а непростительный недосмотр,
недомолвка с моей стороны. Должно было сказать на стр. 18-й моих „Записок“, что
показанный мною заряд пригоден только для ружей малопультных...» (там же, 1852, №
108, 6 сентября, с. 1120).

8

«Записки оренбургского охотника» не книга вроде «Chasseur au chien d'arrêt»
Эльзеара Блаза ~ для французской охоты. – Блаз Э. (Blaze Elzéar, 1786–1848).
Аналогичный отзыв Тургенева о книге Э. Блаза, впервые вышедшей в 1836 г., см.:
письмо к С. Т. Аксакову от 17(29) октября 1852 г.

9

...не могут служить полным руководством для начинающего охотника ~ на каждой почти

10

«Я думал сначала ~ в настоящем, современном положении». – Цитата из вступления к книге, с. 9.

11

Английские ружья Мантона ~ даже Лепажей... – Ментон Ж. (Joseph Manton) – один из известных и старейших ружейников Англии. Мортимер (Mortimer) – английский ружейник; его ружья во множестве ввозились в Россию в 1830–1840-х годах. Пордей Д. (Purday) – английский ружейник. Моргенрот (Morgenrot) – немецкий ружейник; Штарбус (Starbus) – шведский ружейник (см.: Романов С. И. Охотничий словарь. М., 1876. Вып. 1, с. 191–192, 202–203 и М., 1877, Вып. 2, с. 382–383).

12

...но если не наши тульские ~ стоят, конечно, выше их. – В 50-х годах XIX в. лучшими тульскими ружейниками считались Петр Гольтяков и его сын Иван (см.: Природа и охота, 1881, т. I, февраль, с. 3). Беккер и Рушер в Варшаве – «известные ружейники, изделия которых впервые появились на 1-й Мануфактурной выставке в Москве в 1835 г. На второй же выставке в 1843 г. они обратили на себя всеобщее внимание охотников и были раскуплены нарасхват» (Романов С. И. Охотничий словарь. М., 1876. Вып. 1, с. 20).

13

...должно ли почитать ~ (à la Robert или Lefaucheu) – Лефоше – известный французский ружейник, изобретатель оружия, заряжающегося с казенной части.

14

...книги «Hygiène des chasseurs»... – Точное название этой книги: Guide et hygiène des chasseurs par M. le comte de Langel avec des additions de mm. Delbarre et J. de Fontenelle. Paris, s. a.

15

Что же касается до пистонов ~ он отдает им полную справедливость... – Тургенев имеет в виду следующее место из книги С. Т. Аксакова: «Должно предполагать, что из ружей с пистонами можно бить гоголей успешнее: ибо нет искр от огнива, нет вспышки пороха и выстрел пистонных ружей гораздо быстрее. Проверить это предположение на опыте мне не удалось; впоследствии я слышал, что мое мнение совершенно оправдалось на деле» (разряд II, глава «Гоголь», с. 223).

16

...о французских граненых, с буквою G (Gevelot). – Речь идет о французской фабрике Жевело.

17

Это чрезвычайно удобно ~ как Паскалева тачка. – Джироламо Бенцони в своей «Истории Нового мира» (Венеция, 1565) подробно рассказывает анекдот о Колумбе, который посрамил испанцев, показав за ужином у кардинала Мендосы, как можно поставить яйцо на его острый конец. На этот сюжет имеется гравюра Хогарта (см.: Алексеев М. П. Вильям Хогарт и его «Анализ красоты». – В кн.: Хогарт В. Анализ красоты. Л.; М., 1958, с. 46). О том, что Паскаль изобрел тачку, см. в письме Тургенева к Некрасову от 16 (28) декабря 1852 г.

18

...Г. А – в не одобрял парфорсов ~ господствовала в то время. – В главе «Легавая собака» (с. 26) С. Т. Аксаков пишет: «Тонкость обоняния, чутье – врожденное, наследственное качество легавых собак. Никакой дрессировкой <...> нельзя дать его <...> Обучение легавых собак или дрессирование посредством парфорса, то есть ошейника с острыми спицами, совсем не нужно, если не требовать от собаки разных

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru штук, вовсе до охоты не касающихся, и если иметь терпение самому заняться ее ученьем».

19

Не говоря уже о библейском Немвроде.. – Речь идет о Нимвроде – легендарном основателе Вавилона, строителе Ниневии. В связи с тем, что в библейской «Книге Бытия» сказано, что он был «сильный зверолов перед Господом», в западноевропейских языках и литературах имя Нимврода стало синонимом отважного, неутомимого, ловкого охотника (см.: Алексеев М. П. Заглавие «Записки охотника». – Т сб, вып. 5, с. 213–214).

20

Подле него ~ из несокрушимого железа. – Отрывок из 11-й песни «Одиссеи» Гомера, по-видимому, в собственном переводе Тургенева.

21

Мономах в завещании ~ битв с турами и медведями... – Тургенев имеет в виду «Поучение Владимира Мономаха» (см.: Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. Т. 1, с. 104).

22

...Алексей Михайлович ~ Сокольничья пути... – В сноске Тургенев указывает сокращенное название издания, в котором был опубликован впервые «Урядник» Алексея Михайловича. Имеется в виду книга: «Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся» Н. Новикова. 2-е изд. М., 1788. Ч. III, с. 430–432.

23

...менее известны его письма ~ свои «выезды». – Речь идет о «Письмах царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшкину», опубликованных в издании: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией имп. Академии наук». 1645–1700. СПб., 1836. Т. IV, с. 139–141.

24

...с этим же ружьем пойдет он караулить медведя на «овсах»... – Впоследствии сам Тургенев собирался написать для «Охотничьего сборника», задуманного С. Т. Аксаковым, «рассказ о стрельбе мужиками медведей на овсах в Полесье», о чем сообщал ему 23, 24 апреля (5, 6 мая) 1853 г. Значительно позже он обработал этот сюжет и в качестве одного из второстепенных эпизодов ввел в свою повесть «Поездка в Полесье» (1857).

25

...«и весь невредимый хохочет утес»... – Цитата из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Утес» (1835).

26

«Природа проводит бездны ~ и беспрестанно разрушает...» – Цитаты из фрагмента Гёте «Природа» («Die Natur», 1782 или 1783 – см.: Goethe's nachgelassene werke. Stuttgart und Tübingen, 1833. Bd. X, S. 6–7, 3–4) даны в переводе самого Тургенева и не совпадают с текстом перевода Герцена, который был дан последним в виде приложения ко второму из его «Писем об изучении природы» (см.: Герцен, т. III, с. 123–138, 138–141).

27

Весь отрывок, начиная от слов: «Между тем такого рода воззрение...» и кончая словами: «Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает...», был выпущен при первой публикации по требованию цензуры.

28

Автор перенес в изображение этой птицы ~ мы говорили выше и т. д. и т. д. – Этот отрывок был исключен при первой публикации статьи в «Современнике» по требованию цензуры (см. письмо Тургенева к С. Т. Аксакову от 5, 9(17, 21) февраля 1853 г.).

29

Я вовсе не намерен сравнивать его с Бюффеном ~ которым они посвящены. – Противник риторической фразеологии, Тургенев, по-видимому, пародирует следующую фразу Бюффона: «Из всех четвероногих, усмиранных человеком, самое величественное есть лошадь» («Бюффон для юношества, или Сокращенная история трех царств природы», сочиненная Петром Бланшардом. М., 1814. Т. I, с. 117–118).

30

...легче сказать горам, что они «побеги праха к небесам», утесу – что он «хохочет», молнии – что она «фосфорическая змея»... – Первая цитата (не совсем точная) – из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Горные выси» (1837). Вторая – из его стихотворения «Утес». Третья (неточная) – из того же стихотворения (у Бенедиктова: «огненный змей»).

31

Покойный Одюбон ~ от нее в умиление. – Тургенев имеет в виду труд американского орнитолога Д. Одюбона «Birds of America» («Птицы Америки»). Первое издание этой книги вышло в Лондоне в 1828–1839 гг.; во втором, вышедшем в Нью-Йорке в 1839–1844 гг., было 448 таблиц с 1065 зарисовками всех видов птиц американского материка.

32

...наука их в последнее время ~ Шеллинг вскружил головы в начале нынешнего столетия. – В России против одного из немногих последователей натурфилософской школы Шеллинга – Д. М. Велланского (1774–1847) – выступил А. М. Филомафитский (1807–1849), профессор Московского университета. В трехтомном учебнике «Физиология, изданная для руководства своих слушателей» (1836–1840) Филомафитский резко критиковал путь умозрительного исследования, считая опыт единственным правильным путем познания природы. По-видимому, Тургенев имеет в виду этого ученого и его единомышленников.

33

некоторые отрывки были помещены в апрельской книжке «Современника». – См.: наст, том, с. 500–508.

34

Бывают тонко развитые ~ и слова их душисты. – Речь идет о Ф. И. Тютчеве и А. А. Фете, которые названы дальше (см. с. 521–522). К такого же рода творческим натурам Тургенев причислял и себя. Сообщая, что в первой книжке «Современника» появится данная статья, Тургенев писал 28 декабря 1852 (9 января 1853 г.) И. С. Аксакову: «Там есть несколько мыслей о том, как описывают природу, где я себя не щажу» (ответ Аксакова см.: Рус Обозр, 1894, № 9, с. 8, 9).

35

Подойдите, сэр ~ глядеть не стану. – Отрывок из действия IV (сц. 6-я) трагедии Шекспира «Король Лир», по-видимому, в собственном переводе.

36

...счастливые, вкрадчивые стихи ~ Тютчева или Фета найдут отголосок в нашем сердце. – Об отношении Тургенева к творчеству Тютчева и Фета см. в статье «Несколько слов о поэзии Тютчева» и примечаниях к ней (наст, том, с. 524–528).

37

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
...до другого письма... – Этого «письма», т. е. второй статьи о книге Аксакова,
Тургенев не написал. См. о том же в письме к Некрасову от 16(28) декабря 1852 г.

38

...которого вдохновит поэзия охоты! – Имеется в виду опера Вебера «Оберон» (1826),
написанная на сюжет одноименной поэмы-сказки Виланда.

39

«Паче же почитайте сию книгу ~ кручины и печали всякие». – Цитата из «Древней
российской вивлиофики...», изданной Н. Новиковым. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. III, с.
431, 432.

40

...«Записок ружейного охотника» готовится другое издание... – Издание второе,
«несколько исправленное и пополненное», вышло в том же 1852 г. (ценз. разр. 27
сентября).

41

Главным образцом поэзии ~ автора вместо природы... – В сборнике «Les Orientales»
(1829) В. Гюго создал живописные картины Востока. Художественный стиль Гюго был
совершенно чужд Тургеневу, воспринимался им уже в 40-х годах как архаизм.

42 Пушкин заслуживает название древнего ~ за спокойную грацию античной силы. – О
замысле такого рода статьи известно также из письма к Н. А. Некрасову и И. И.
Панаеву от 18 и 23 ноября (30 ноября и 5 декабря) 1852 г., в котором Тургенев
сообщал: «...сверх того, я для вас готовлю две статьи: „О Андрее Шенье и
подражателях древним“ и „О Мерке“...» Статьи эти, однако, написаны не были.
Тургенев имеет в виду, что, начиная с 1840-х годов, в русской литературе было
много попыток возрождения «антологического» жанра (А. Н. Майков, Н. Ф. Щербина и
др.). Когда в 1850-х годах в русской критике образовалась группа сторонников
«искусства для искусства», она стремилась поднять на щит именно этих поэтов.
Отрицательный отзыв Тургенева о Щербине (в связи с его антологическими
произведениями) см. в письме к Некрасову от 28 октября (9 ноября) 1852 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!